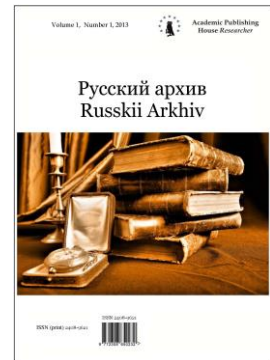

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 2017, 5(2): 106-124

DOI: 10.13187/ra.2017.2.106
www.ejournal16.com

Articles and Statements

UDC 93/94

Jews from the USSR write abroad (Letters and Diaries of World War II as a Historical Source)

Part II

Leonid L. Smilovitsky^{a,*}

^a The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University, Israel

Abstract

This article is devoted to the little-studied topic of the correspondence abroad of Jews from the Soviet Union during the Great Patriotic War. It examines the renewal of mail correspondence of the Jewish families with the outside world, which – due to dramatic internal political changes in the USSR during the 1930s – had ceased until the summer of 1941. The author provides an analysis of Jewish letters from the USSR to the United States, Palestine, South Africa, Argentina, and Mexico. This correspondence offers a window into a number of different aspects of the Jews' experiences of the period: solidarity with the Red Army, the participation of Soviet Jews in the struggle against Nazism on the fronts of the war, Zionism, and Yiddish from the USSR. Particular attention is paid to such themes as the Holocaust, the search for relatives and the help of the Red Army, aid sent from Palestine, life after evacuation, and observance of the Jewish tradition. The letters of Jews from the Soviet Union abroad during 1941-1945 are an extraordinary phenomenon in the history of private military correspondence. The sympathy and attention demonstrated by tens of thousands of people from abroad helped the USSR overcome its international isolation and provided moral and material assistance, which significantly contributed to the ultimate victory of Soviet weapons over a common enemy.

Keywords: letters, sources of personal origin, World War II, the Great Patriotic War, the Red Army, the Jews, the Holocaust, Yiddish, evacuation, front, rear and hinterland, censorship.

Тема Холокоста. Письма евреев содержали трагические известия о гибели родных от рук нацистов на оккупированной территории. Читать такие строки без волнения невозможно – это подлинные документы эпохи, свидетельства современников в назидание потомкам. Часть подобных писем была обнародована при издании книг памяти на идиш,

* Corresponding author
 E-mail addresses: smilov@zahav.net.il (L.L. Smilovitsky)

иврите и английском языке, изданных в Израиле и США в послевоенные годы¹. Примером может служить следующее письмо:

Письмо Моше Ляховицкого из Несвижа Минской области в Палестину

2 августа 1944 г.

Мои любимые и дорогие дети!

ילדי האהובים והיקרים

Я беру ручку, а рука дрожит, и глаза заполнены не слезами, а кровью. И моя рука должна написать про ту большую трагедию, которая охватила всю Белоруссию, а так же другие места, оккупированные немецкими бандитами, как они расстреливали всех людей. Сотни тысяч, точнее миллионы, погибли. Так случилось и в Несвиже. 9-го Хешвана 5702 [1942] были расстреляны 2864 человека, старики и дети, младенцы и их матери. Несколько человек спаслись бегством в леса, среди них был и я с моей любимой дочкой Фрейдл.

Мои глаза плачут о потере моей супруги, с которой я прожил 30 лет 8 месяцев и 4 дня. Всего она прожила 54 года, но могла жить дольше. Я скорблю о своей Музиньке, такой способной десятилетней девочке, которая не успела пожить и увидеть мир. Горе мне, что свеча моя погасла раньше времени. Светлое солнце обернулось для меня темнотой.

Из всех жителей поселка остались 12 человек, которые были в лесах. Это все что осталось от Несвижа.

Вы можете представить себе, как мы жили два года в лесу? Даже как предисловие невозможно передать все, что с нами случилось. Скажите, дети, что все выходцы из Несвижа в Эрец-Исраэль могут делать Йорцайт (поминки) своих матерей, сестер, братьев и отцов 9-го Хешвана. Это день кровавой резни в Несвиже

Мои дети, на Несвиж страшно смотреть. Разрушен наш город, пропал наш храм. Все разрушено. Невозможно достать даже молитвенник. Нет тфилина². Сейчас нас 8 человек. Мы не можем ничего

אני נוטל את העט בידי והיד רועדת, והעיניים מוצפות לא בדמעות אלא בדם. וידי צריכה לכתוב על האסון הגדול שאירע בכל רוסיה הלבנה וכן בכל המקומות הכבושים שנתפסו על ידי הפושעים הגרמנים, שהם ירו בכל האנשים. מאות אלפי אנשים מתו, יותר נכון לומר מיליונים. בין כל ההרוגים, גם העיר שלנו ניסוויזש נחרבה. בתשעה בחשון תש"ב ירו ב 2864 אנשים, זקנים וצעירים, תינוקות יונקים משד אימם נורו יחד עם אימותיהם. איום מה שהוא עשה? לכמה אנשים הזדמן לברוח ליערות, גם אני בתוכם, עם ביתי האהובה פריידל. העיניים שלי אינן יבשות מהאסון שאיבדתי את חברי איתו חייתי 30 שנה 8 חודשים וארבעה ימים. סך הכל היא חיה 54 שנים אך יכלה להיות עוד. אני מתאבל על המוזינקה שלי שטרם הספיקה לראות את העולם, ילדה בת עשר, כה מוכשרת. אוי לי שנרי כבה טרם זמנו. השמש הבהירה היא עבורי חשוכה.

מכל תושבי העיירה נשארו רק 12 איש שבאו מהיערות. זו היא כל העיירה נייסוויזש.

אתם יכולים לשער איך חיינו בדיוק שנתיים ביער. גם אם רק כאקדמה, קשה לתאר את כל שאירע לנו. אימרו ילדים שכל הניסוויז'אים הנמצאים בארץ (ישראל) יקבעו את היארצייט של אימותיהם, אחיותיהם, אחיהם והאבות שלהם ב ט' בחשון. זה יום הדמים של השחיטה בניסוויזש ובקלצק. ילדים שלי, מבט על נייסוויזש הוא מפחיד. חרבה עירנו ונטל בית מקדשנו. הכל נחרב. אפילו סידור לתפילה אין משיגים. אין גם תפילין. אנחנו עתה 8 אנשים. איננו יכולים לקיים דבר. נחמתי הגדולה שאולי אוכל להתראות אתכם. עתה תודה לצבא האדום שהיה הגואל שלנו, כיוון שאצל הגרמנים לא היתה לנו כל זכות לחיות.

בכל העיירות שסביב נייסוויזש נשארו 2-3 יהודים לעיירה. למשל בהורודיי נשארו 3 יהודים. במיר תודה לאל ישנם 80 אנשים, ובברנוביץ אומרים שיכולים להיות 30 איש.

¹ Книги памяти (Yizkor books) – хроники жизни еврейских общин, уничтоженных в годы Второй мировой войны. На своих страницах они отобрали летопись истории местечек, городов и регионов Европы и зачастую являются единственным источником как для академических исследователей, так и всех, кто интересуется семейной историей до, во время и после Холокоста.

² Тфилин – элемент молитвенного облачения иудея, представляющий собой две маленькие черные коробочки из кожи кошерных животных, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы. При помощи черных кожаных ремешков одну из них укрепляют на бицепсе обнаженной левой руки, а вторую — на линии волос, между глаз.

соблюдать. Мое единственное утешение,
 что, может, смогу увидеть вас.
 Спасибо Красной армии, нашей
 освободительнице, потому что при немцах
 у нас не было никого права на жизнь.
 Во всех местечках вокруг Несвижа осталось
 2–3 еврея на местечко. Например, в
 Городее остались в живых 3 еврея. В Мире,
 спасибо Богу, есть 80 человек, а в
 Барановичах, говорят, что может быть 30.

*Sefer Nieswicz (The book of Nieswicz) / Ed. By D. Shtokfish
 Tel Aviv: Nieswicz Societies in Israel and the Diaspora, 1976. P. 530–531.*

Другая часть писем, отражавшая тему Холокоста, была написана евреями, выжившими на оккупированной территории. Они искали, с одной стороны, кому излить душу, найти сочувствие, а с другой – просить помощи. Володя Клабис в письме к своей сестре Ривке Велденберг в Тель-Авив описывает жизнь евреев в оккупированном Вильнюсе.

Письмо В. Клабиса (Зеева) сестре Р. Велденберг в Тель-Авив

15 октября 1944 г.

У меня нет слов, чтобы описать весь ужас, в котором я жил. Каждый раз, когда я брал ручку, передо мной вставали те, кто бессмысленно были убиты этими зверьми в человеческом облике, и мои руки чувствуют беспомощный гнев, и я не могу писать... Достаточно сказать, что из 75 тыс. евреев, живших в Вильно, осталось около 1500, и половина из них не уроженцы Вильно. Лучшие люди погибли, те, кем гордился Вильно и кого знал весь мир... Десятки тысяч невинных людей – старики, дети, были замучены и убиты только за то, что были евреями.

*Опубликовано: To Pour Out My Bitter Soul. Letters of Jews from the USSR
 1941–1945 / Ed. by A. Zeltser. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. P. 106–109*

Третья часть писем, была написана евреями, вернувшимися из эвакуации, которые застали развалины своего дома, разоренный край, погибших родных и исчезающую еврейскую общину. Они отвечали на запросы своих родных и соседей из-за границы, интересовавшихся судьбой уцелевших. Фактически это были первые свидетельства о геноциде евреев, поступавшие за границу сразу после освобождения оккупированной территории.

Письмо С. Чечика сестре Р. Князик из Нью-Йорка в Бруклин

9 марта 1943 г.

Папаша¹ остался дома – в Вереснице, а Шлейма² – с семьей в Житковичах или в районе (Полесской области БССР).

Письмо С. Чечика сестре Р. Князик из Нью-Йорка в Бруклин

22 ноября 1943 г.

Здравствуйте мои дорогие! Роза милая!

У нас у всех одна мысль – только смерть фашистам. Если бы вы знали, какое дикое поведение было со стороны фашистов к нашему народу в оккупации, в оккупированных районах, что-то невероятное. Массовые расстрелы детей, женщин и стариков. Не поддается описанию их звериное поведение. Человек, лишенный ума, так бы не поступал. Противно

¹ Арон Израилевич Чечик (1870–1941) родился в д. Вересница в 8 км от Турова и занимался рыбным промыслом. Отец 8 детей, убит нацистами.

² Шлейме Аронович Чечик (1904–1941) – сын А.И. Чечика, убит нацистами в Турове.

вспоминать о них. Весь наш народ питает к фашистам такую ненависть, готов жизнь отдать за полное уничтожение их поголовно. Не хочу больше об этих диких зверях писать.

Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого

Рис. 1–2. Письмо С. Чечика сестре Р. Князик от 9 марта 1943 г. Здесь и далее в качестве иллюстраций приведены документы из Архива военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого

В письме речь шла о первых освобожденных районах Беларуси в ходе Гомельско-Речицкой наступательной операции войск Красной армии, проведенной 10–30 ноября 1943 г. В результате этой операции советские войска прорвали оборону противника в полосе шириной 100 км, продвинулись вглубь на 130 км. В Гомельской области в 20 гетто с сентября 1941 по апрель 1942 гг. погибло почти 22 тыс. евреев¹.

О глубоких душевных переживаниях, связанных со смертью родных от рук нацистов и их пособников, говорит письмо Эстер Файвелевны Чечик.

Письмо Э.Ф. Чечик брату Д. Лившицу со станции Колтубанка Чкаловской области в Бруклин, Нью-Йорк

1944 г.

Вчера получили ваше письмо от 2.02.44 г., очень вам благодарны за сочувствие, ведь это в настоящее время очень ценно, когда мы так морально убиты, ведь жизнь наша совсем не интересна, только и живем ради остальных детей, которых хочется еще вывести на путь к жизни. Описать наше горе невозможно, прошу Вас, дорогие мои, не расстраивайтесь этим, вы ничего не поможете, ибо мы сами уже смирились, свыклись и ничего не поделаешь. Просим, не забывайте, пишите чаще и обо всем.

Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого

Моше-Ехизель Мотл Малыкин осенью 1944 г. в письме Калману М. Левину в Иерусалим описывает гибель еврейской общины в Паричах Полесской области БССР:

¹ Самыми крупными считались гетто в Речице (3500 чел.) и Рогачеве (3300 чел.), за ними шли Паричи (1700 чел.) и Мозырь (1500 чел.). В отдельных городах одновременно существовало несколько гетто. В Жлобине в двух гетто содержалось 1200 чел., в Гомеле в четырех гетто – 4000 чел., в Корме в двух гетто – 700 чел. Остальные гетто имели по несколько сотен узников – Чечерск (432 чел.), Стрешин (448 чел.) и Буда-Кошелево (485 чел.). В Добруше находилось 103 чел. Сведений о количестве узников в гетто деревни Городец Рогачевского района не сохранилось ([Справочник о местах...](#)).

Письмо М.–Е.М. Малыкина К.М. Левину из Паричей в Иерусалим

10 сентября 1944 г.

18 октября 1941 г. немцы расстреляли 1618 евреев, в основном, женщины, старики и дети. Несколько сот из них они закопали живьем... Вся земля местечка была залита невинной человеческой кровью. От могилы два дня шел пар столбом, и кровь стояла вокруг этой могилы. Паричи сожгли. Не найдешь свою улицу. Там, где стоял дом твоего отца, сейчас только высокий бурьян. Я прибыл в Паричи с приходом Красной армии. На родимых местах спокойно лежит пепел. Много можно описать, но трудно это сделать.

CZA. A386-57

В своем письме в Палестину М.–Е.М. Малыкин специально подчеркивает: «Возможно, что кое-где за границей имеются люди, которые не верят. Скажите им, что только сочувствующие гитлеровским бандитам могут скрыть эти злодеяния».

Заграница была тем адресом, где могли понять и оценить горечь утраты, сочувствовать, протянуть помощь. Евреи, писавшие из Вильнюса, Киева, Харькова, Минска, Симферополя, еще не знали, что случилось с общинами в других городах и республиках. При этом каждый из них приходил к выводу о постигшей евреев национальной катастрофе. Для родных за рубежом это стало страшным потрясением. Евреи из Советского Союза ясно давали понять, что случившееся – не отдельные эпизоды несчастья, это общая судьба евреев, застигнутых нацистами на оккупированной территории.

Переписка с Палестиной. Евреи в Палестине с началом войны с огромной тревогой следили за развитием событий на советско-германском фронте. Начали возникать общественные организации, собирались пожертвования в помощь Красной армии. Через дипломатические миссии и Красный Крест шел поиск евреев, бежавших из прифронтовой полосы и эвакуированных в советский тыл. С 1942 по 1943 гг. только из Палестины в СССР было направлено 7 тыс. запросов, и свыше 1 тыс. запросов поступило из СССР в Палестину (CZA. A386-78)

В июле 1943 г. газета «Давар» сообщала, что надеется получить из Советского Союза данные не только о евреях-передовиках, выполнявших важные задания, но и рядовых беженцах, еврейских верующих. В Тель-Авиве было организовано Центральное справочное бюро по розыску еврейских беженцев, которое публиковало в прессе Ишува списки из СССР. Они содержали указания на имя, возраст, род занятия, бывшее место жительства и настоящий адрес разыскиваемых лиц. В августе 1943 г. вышедший в Нью-Йорке «Jewish Morning Journal» благодарил Еврейский антифашистский комитет в СССР за информацию о культурной и религиозной жизни и спрашивал, возможно ли через газету «Эйникайт» установить место нахождения беженцев из Белоруссии и Украины (ГАРФ. Ф. Р-8114. Оп. 1. Д. 792. Л. 16, 23–24). В октябре 1945 г. издательство «Левант» из Тель-Авива послало запрос на пять списков имен спасшихся евреев, о которых сообщалось в радиопередаче из Москвы (ГАРФ. Ф. Р-8114. Оп. 1. Д. 1132. Л. 101). Учитывая важность международного общественного мнения, советский режим прилагал определенные усилия для выполнения таких просьб. Однако, по объективным причинам, предоставляемые сведения не могли быть полными.

Еврейское информационное бюро, Лига «V», другие общественные организации установили связь с советскими дипломатическими миссиями в Турции, Ливане, Египте и Иране. Переписка велась на русском языке, доступном обеим сторонам, хотя при необходимости дублировалась на английском языке. Палестинская сторона сознательно предпочитала русский, полагая, что это поможет ей скорее донести до сознания советских дипломатов содержание их просьбы. В переписке участвовали Народный комиссариат иностранных дел, международный Красный Крест, органы местной советской власти и партийные комитеты.

Совет землячеств выходцев Польши, Литвы, Латвии, Бессарабии, Буковины, Украины и Белоруссии при Центральном информационном бюро по делам еврейских беженцев в СССР просил содействия у советского представительства в Палестине. В обращении говорилось, что родственники беженцев и эвакуированных евреев – их родители, дети, братья, сестры и т.п. – горели желанием установить с ними почтовую связь и оказать посильную помощь. Однако это стремление встретило такие формальные ограничения,

которые делали эту помощь почти невозможной. Кроме того, с началом войны денежные переводы из-за границы потеряли смысл. За один фунт стерлингов на свободном рынке в районах эвакуации давали один фунт хлеба (ГАРФ. Ф. Р-8114. Оп. 1. Д. 1132. Л. 101).

Впервые такая просьба была высказана 9 февраля 1942 г., когда Объединение землячеств просило содействия у Посольства СССР в Анкаре. 30 июля 1942 г. был сделан запрос о разрешении посылать в СССР поддержанное платье (СЗА. А386-78), а также отменить пошлину на посылки в СССР (на новые вещи она составляла 100 % их стоимости). За это время в СССР с помощью Всееврейского представительства для Палестины (Jewish Agency) только через Тегеран было выслано около 27 тыс. продовольственных и вещевых посылок. Из них 16 тыс. были бесплатными, или со значительной скидкой, превышавшей 50 % стоимости посылок. Из Тель-Авива сообщали, что в случае отмены пошлины количество посылок, отправляемых в СССР, можно было легко удвоить (СЗА. А386-78). Основные просьбы к советской стороне сводились к следующему:

- 1) помочь установить связь с органами регистрации и помощи беженцам в СССР;
- 2) обязать муниципальные власти городов советского тыла (Средняя Азия, Казахстан, области Урала, Сибири и Дальнего Востока) содействовать этой работе, наладить выпуск бюллетеня розыска эвакуированных;
- 3) отменить пошлины и другие ограничения на отправление посылок беженцам;
- 4) разрешить родственникам в Америке, Африке, Австралии и Палестине коллективную помощь беженцам в СССР при участии их представителей.

Даже небольшая посылка с предметами первой необходимости (мыло, соль, чай, спички, предметы одежды, обувь) была существенной поддержкой. Стандартная посылка стоила от 6 до 8 фунтов стерлингов или не более 10 долларов США. Можно было сдать деньги, а остальное делали добровольцы из Еврейского агентства. Однако не всех это устраивало. В письме Тамары Должанской мы читаем:

Письмо Т. Должанской сестре Н. Эпштейн из Тель-Авива в г. Фрунзе

28 февраля 1943 г.

Ниночка, тут многие посылают стандартные продуктовые посылки через Еврейское агентство. Проза: чай, кофе, леденцы, мелочи. Хочешь такую? Не соображу, что тебе сейчас нужно и приятно. Будь умницей и дай мне совет.

Рис. 3–4. Письмо Т. Должанской Н. Эпштейн от 28 февраля 1943 г.

Письмо Л.Я. Должанского Н. Эпштейн из Иерусалима в г. Фрунзе

1 июля 1943 г.

Милая Ниночка! Пишу тебе сегодня деловое письмо. Первого июля послал тебе большую посылку. Выбирать не приходится. Содержание посылки и условия пересылки выработаны соглашением между советскими и местными властями. Я уверен, что пошлю

тебе то, что нужно и в чем особенная нужда. Эту посылку я послал через Тегеран. Следующая пойдет через Индию. Так я буду менять. Посылать буду каждые два месяца. У нас по-прежнему все благополучно. Все тебе крепко кланяются.

Нежно целую, Леня

Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого

Письмо Т. Должанской сестре Н. Эпштейн из Тель-Авива в г. Фрунзе

18 июня 1944 г.

Ниночка, милая, отчего ты так упорно молчишь? Послала тебе маленькую посылочку: желтую блузку, такие же носки, всякие галантерейные мелочи, нитки, иголки, мыло, зубную щетку.

Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого

В следующих посылках Тамара отправила Нине слуховой аппарат для одной из родственниц и очки для мужа Нины Якова, армейского хирурга. Отправка посылок в Советский Союз была нужна не только стороне принимающей, но и отправляющей. Содержание посылок было ограничено, перечень предметов дает представление о том, что ценилось больше. Одновременно это было проявлением заботы о тех, кто жил в Советском Союзе, несшем основное бремя борьбы с нацистской Германией. Это было не только посильное участие, но и моральная поддержка тем, кто оправил на войну своих отцов и детей.

Письмо Т. Должанской сестре Н. Эпштейн в Ленинград

12 января 1945 г.

Сестричка, я продолжаю!

Очень прошу: перестань писать ерунду о том, что я себя обираю для вас. Эти посылочки нужней мне, чем тебе. Если б ты знала, как во время блокады, когда от тебя не было вестей, кусок в горло не шел. Сегодня я отправляю тебе черные полуботинки для Рутиньки, коричневый свитер, клетчатую юбку, шерстяную косынку и мелочи: пару шерстяных носков, нитки, иголки, мыло, бритвенные ножички для наших воинов, пару. Пиши, что тебе нужнее.

Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого

Бурная деятельность Лиги «V», в адрес которой поступали тысячи обращений, требовала средств, поэтому поиск родственников стал платной услугой. Однако запросы из Палестины выполнялись с большим опозданием. Рахель Арест, заявление которой было послано из Тель-Авива в СССР в ноябре 1943 г., не получала ответ в течение полугода. Когда же Рахель обратилась с тем же вопросом о поиске сына Арона в Моссовет через своих родственников, проживавших в Москве, ответ пришел немедленно ([CZA. A386-78](#)).

В СССР вся переписка находилась под жестким контролем государства. Письма за рубеж принимались в индивидуальном порядке, а не от имени общественного объединения, профессионального союза или кооператива. За границей, наоборот, корреспонденция в Советский Союз приняла организационные формы. В конце 1942 г. вместо общих списков начали принимать индивидуальные заявления. Бюро беженцев в Тель-Авиве и Иерусалиме только оформляло и передавало их в советские дипломатические миссии. Анкета содержала подробные сведения о разыскиваемом и разыскиваемом лицах. Требовалось указать фамилию имя и отчество, год рождения, национальность, гражданство, адрес последнего места жительства в СССР и места работы, адрес родственников за границей, а также уплатить консульский сбор в 6 турецких лир ([CZA. A386-78](#)).

Во главе Еврейского информационного бюро, открытого в структуре Еврейского агентства, встал инженер Ицхак Рабинович, личность колоритная и примечательная¹. Рабинович прекрасно понимал ситуацию в СССР, не говоря уже о том, что безукоризненно объяснялся на русском языке, идиш и иврите, владел основными европейскими языками. Он с одинаковой легкостью общался как с руководством Мандата, так и Сохнута (Еврейского агентства). Это был именно тот человек, который умел правильно направить поток обращений и держал руку на пульсе событий. В фондах Центрального сионистского архива в Иерусалиме можно прочесть письма, написанные в адрес лично Ицхака Рабиновича с выражением признательности за доброту и отзывчивость, внимание и терпение. Понятно, что когда такой человек возглавил Бюро по делам Еврейский беженцев из СССР, дело получило необходимый импульс. Составляя запросы в СССР, Рабинович пользовался разными источниками информации: рассказами бывших советских граждан, публикациями в прессе, а также сведениями, полученными по дипломатическим каналам.

Запросы в Советский Союз направляли и из британских вооруженных сил, где служили евреи из Палестины. В январе 1945 г. в советскую миссию в Стамбуле поступила просьба от сержанта И. Берковича помочь определить местонахождение Аи Лазаревны Вольперт с двумя дочерьми 6 и 10 лет, которые были эвакуированы из Латвии в 1941 г. в Коми АССР. С июля 1944 г. сведений о семье Вольперт больше не поступало, посылки и письма возвращались обратно (CZA. A386-78).

Летом 1945 г. Палестинское информационное бюро сообщало Генеральному консульству СССР в Стамбуле об Эмиле Зискинде, которого разыскивал его отец Самуил Зискинд. Брат Самуила, Арон, служил в британской армии. Отец Эмиля в 1942 г. переехал в Палестину из Лондона и проживал в Хайфе. Мать Эмиля – Геля – осталась в Брно (Чехословакия), откуда нацисты депортировали ее в Польшу. С тех пор никаких сведений о Геле не поступало. Отец просил Эмиля заняться поисками матери в Польше (CZA, A386-78).

В свою очередь Народный комиссариат иностранных дел в Москве запрашивал о судьбе отдельных граждан еврейского происхождения, бежавших из Германии, Польши и Прибалтики. Не понятно, почему именно этих людей советская сторона выделила из тысяч других эвакуированных. Не исключено, что это были семьи разведчиков, люди, к которым советская служба безопасности питала повышенный интерес. Или это было нужно, чтобы показать заботу о выполнении индивидуальных запросов со стороны советских дипломатических миссий. Правда, среди них мы встречаем и известные имена, такие, например, как Тейф² и Цейтлин³.

В августе 1943 г. в консульский отдел посольства СССР в Турции обратилась М. Тейф с просьбой о содействии в установлении связи с ее братом Моисеем Тейфом, находившемся в рядах Красной армии (CZA. A386-78). В октябре 1943 г. в Центральное справочное бюро в Бугуруслане поступил запрос из Нью-Йорка от члена редакции газеты «Daily News». Аарон Цейтлин хотел выяснить, успели ли спастись из гитлеровского ада его шурины Юлий Перельмутер с женой Ханой, и зарегистрированы ли они где-то в пределах СССР? (CZA. A386-78).

Однако подавляющая масса запросов приходила от рядовых граждан, которые не были отмечены заслугами или званиями. В июле 1944 г. с такой просьбой к уполномоченному Совнаркома Латвийской ССР в Ташкенте обращалась Роза Даган из Твери, искавшая семью

¹ Рабинович Ицхак (1887–1971) – деятель сионистского движения в Российской империи и СССР, руководитель еврейских спортивных и молодежных организаций, правозащитник, член руководства «Маккаби ха-Цаир» и «Ха-шомер ха-цаир» в Москве, арестован и выслан на 3 года в г. Кызыл-Орда Казахской АССР (1926), переведен в Тверь с сокращением срока ссылки до 2 лет (1927), выслан в Палестину (1929).

² Моисей Соломонович Тейф (1904–1966) – еврейский советский поэт, уроженец Минска, окончил еврейское отделение литературного факультета 2-го МГУ. В 1938 г. арестован по ложному доносу, освобожден в 1941 г. Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1951 г. был вторично арестован, после смерти Сталина реабилитирован.

³ Аарон Цейтлин являлся сыном известного еврейского писателя Гилеля Цейтлина, который был замучен нацистами в Варшаве.

Шапирсон (Лею, Моисея и Риву) из Двинска. Их поиском занимались уполномоченные союзных республик и еврейские землячества (CZA. A386-78). Известна телеграмма Бен-Цви¹, как председателя Ваад Леуми² из Тель-Авива весной 1942 г. в адрес правления Московской еврейской общины в Ташкенте. В телеграмме говорилось, что граждане Палестины, выходцы из районов, охваченных военными действиями (Прибалтика, Белоруссия, Украина), обеспокоены судьбой своих родственников и желают помочь материально. Вслед за этим обращением телеграфно было отправлено сто заявлений граждан Палестины с просьбой найти их родных в Советском Союзе (CZA. A386-57).

Свою роль в этом важном деле сыграло общество Красного Креста. В августе 1943 г. торговое представительство Советского Союза в Турции сообщало, что если посылки из-за границы будут отправляться в адрес Красного Креста с правом их дальнейшего распределения по своему усмотрению, то это освобождается от взимания пошлины. Посылки же, отправленные индивидуально по конкретным адресам, принимались на общих основаниях. Однако достигнутые результаты не удовлетворяли. Все попытки землячеств из Тель-Авива вступить в переписку с организациями, занимавшимися регистрацией и помощью беженцам в СССР – к Центральному бюро по розыску эвакуированных в Бугуруслане, к еврейскому Комитету беженцев в Ташкенте, к Еврейскому антифашистскому комитету в Куйбышеве – остались безуспешными. На все обращения к названным учреждениям, за исключением еврейского Комитета в Ташкенте, ответа не последовало (CZA. A386-78). Комитет землячеств попытался добиться разрешения помещать списки разыскиваемых евреев в советской периодической печати, по примеру Палестины, но встретил отказ. Тогда Комитет обратился непосредственно в исполнительные комитеты городских советов депутатов трудящихся. В 1942 г. он разослал письма в 48 городов страны, где были сосредоточены основные потоки беженцев, с просьбой помочь в этом гуманном деле (CZA. A386-78).

В адрес городских и областных руководителей поступали многочисленные индивидуальные запросы из-за границы. Письма из-за границы всегда привлекали внимание. Игнорировать их было нельзя, поскольку они регистрировались и требовали ответа (положительного или отрицательного). Горсоветы занимались решением широкого круга вопросов, включая трудоустройство и жилье, питание и образование, охрану общественного порядка и систему жизнеобеспечения. Поэтому определить местонахождение того или иного человека было вполне реальным делом, если он находился в городе.

Одни авторы писем просили сообщить адрес близкого человека, другие – выяснить, почему прервалась переписка. Сара Охерман летом 1943 г. просила руководителя исполкома городского совета города Махарадзе на западе Грузии (в настоящее время – Озургети) выяснить судьбу ее брата Рувима Клепча, работавшего на чайной фабрике, куда его направили из госпиталя после тяжелого ранения на фронте (CZA. A386-78). Хая Геллер из Иерусалима в феврале 1944 г. обращалась к председателю совета города Токмака, располагавшегося на левом берегу реки Чу в Чуйской долине на севере Киргизии, чтобы узнать, жив ли ее брат Меер Геллер? Меер в мае 1943 г. поступил в инфекционную больницу Токмака. С тех пор сведений о нем не поступало, а письма и телеграммы Хаи из Палестины оставались без ответа (CZA. A386-78). Бася Гольдберг осенью 1944 г. писала главе города Джамбула в Казахской ССР, что ее брат Хаим Гольдберг, с которым была постоянная переписка, уже в течение года не получал ее писем. При этом указывался адрес, по которому проживал Хаим Гольдберг: г. Джамбул, ул. Фурманова, д. 79. За это время в справочное бюро в Тель-Авиве пришло три письма от самого Хаима, который просил найти его сестру Басю в Палестине и сообщить ее адрес. Бася просила вмешаться и выяснить причину, по которой Хаим не получал ее письма и посылки (CZA. A386-57). Эли Гольдфингеру из публикации в периодической печати в Палестине стало известно, что среди

¹ Бен-Цви (Шимшелевич) Ицхак (1884–1963) – один из видных руководителей подмандатной Палестины, второй президент государства Израиль.

² Ваад Леуми – Национальный комитет, исполнительный орган Собрания депутатов евреев подмандатной Палестины (1920–1948).

немногочисленных евреев, оставшихся в живых во Львове¹, упоминался человек по фамилии Гольдфингер. В 1944 г. Эли в письме на имя председателя городского исполнительного комитета Львова писал, что до войны во Львове у него проживал брат Хаим-Лейб с женой Дворой и сыном Исааком. Он просил выяснить, жив ли его брат и как с ним связаться (CZA. A386-79).

У нас нет сведений о том, на какие письма городские власти дали положительные ответы, а на какие отрицательные. Такая статистика отсутствует. Однако то, что подобная переписка существовала на регулярной основе и сыграла свою роль в налаживании гуманитарных связей между заграницей и СССР в годы войны, не вызывает сомнения.

Жизнь в эвакуации. Евреи, прибывшие в эвакуацию из европейской части страны, не были приспособлены к непривычно суровым условиям жизни. Они страдали от неустроенного быта, холода и недоедания. Вместе с тем, их грамотность, образованность, культура и профессиональная подготовка помогали выделиться, получить лучшее место, стать незаменимыми работниками. Евреи отличались не только кругозором, но и ответственным отношением к порученному делу, проявляли интерес и творческий подход, завоевывая этим авторитет. Однако в письмах за границу сообщали не это, а главное – доехали, живы и здоровы, устроились, дети учатся. Затем шло описание основных потребностей: обеспечение продовольствием (распределение карточек), жилье, работа в колхозе, разбивка огорода, заготовка топлива. При этом каждый надеялся, что время пребывания в эвакуации не вечно, что после окончания войны возвращение в родные края неизбежно. Приведем примеры.

Письмо С.А. Чечика сестре Р. Князик из Ленинграда в Нью-Йорк

7 февраля 1942 г.

Все мы живы и здоровы. Люба пока не работает, т.к. из-за сложившихся обстоятельств собиралась уехать с детьми в провинцию, но не поехала. Сейчас мы все на месте. Если есть у Вас возможность прислать немного концентратов из продуктов, мы бы были весьма обязаны, т.к. нужда в этом имеется. Целую вас всех за всех нас.

Будьте здоровы, Самуил Чечик

Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого

Письмо С.А. Чечика сестре Р. Князик из Свердловска в Нью-Йорк

28 марта 1942 г.

Здравствуйте дорогие!

Сообщаю, что все мы живы и здоровы. Дети уже стали большие. Лене уже исполняется 11 лет, Эрику – 6 лет. Мы ими очень довольны. В трудное время дети вели себя весьма умело и сдержанно.

Самуил Чечик

Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого

Автор писем из Ленинграда и Свердловска в Соединенные Штаты Америки, Самуил Аронович Чечик умалчивает о страшных испытаниях голодом и холодом, выпавших на долю защитников города. В нем нет ни слова о блокаде, тысячах людей, умерших от истощения. Вместо этого подчеркивается, что дети уже большие, и в трудное время они проявили себя «умело и сдержанно». Разгадать настоящий смысл этих слов могли только те, кто побывал в Ленинграде зимой 1941–1942 гг. Однако более откровенно писать об этом родным за границу Чечики не осмелились.

¹ Львовское гетто по величине было третьим, после гетто Варшавы и Лодзинского. Когда 27 июля 1944 г. советские войска освободили Львов, в нем от 100 тыс. евреев (1939 г.) оставалось менее 300 евреев, прятавшихся в городе и в городской канализации.

**Письмо семьи Чечик со станции Колтубановка Оренбургской области
в Нью-Йорк**

1943 г.

Дорогие мои Роза и Рувим!

Моя Хаська приехала с детьми, слава Богу, уже у меня тоже солнце светит в доме. Это было несчастье от брюшного тифа, она с горячки не понимала, что делает, а здешние доктора не узнали в чем дело. Сейчас я уже от радости не знаю, что со мной делается. Я уже считал, что я пропащий человек, но пока я буду жить. Дети мои очень умные и красивые...

Ваши братья и сестры Чечики

*Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры
при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого*

Письмо С.А. Чечика в Нью-Йорк

22 ноября 1943 г.

Милая Роза! Не стоит беспокоиться тебе с посылкой, хлопот много. Сейчас у нас положение с питанием немного улучшилось. Наше правительство дало возможность всем весной огородам заниматься. Массовая коллективная обработка огородов, обеспечит семенами, посевом и осенью уборкой. Сейчас немного легче, чем это было в начале войны, особенно когда мы были в 1941–42 г. в Ленинграде.

Чечик С.А.

*Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры
при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого*

Письмо С.А. Чечика из Свердловска в Нью-Йорк

26 января 1945 г.

Мои дорогие!

Сейчас обстановка у нас резко изменилась в положительную сторону. Материально хорошо обеспечены, сыты, ни в чем мы не нуждаемся. Привет от Любы и Сарры с детьми. Живут они вместе в Вологодской обл[асти]. После голода – прекрасно выглядят, лучше поправились, чем до войны. Верочка учится в институте в Куйбышеве, недавно имел письмо от нее, пишет, что живет хорошо.

Целую вас, С. Чечик

*Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры
при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого*

Письмо И.А. Чечика в Нью-Йорк

23 февраля 1945 г.

Старшая дочь Дора учится в университете на втором курсе, получает стипендию, жалование и квартира и столовка для нее нам денег не стоит, и также остальные дети (Голда и Меер) учатся, и государство помогает. Только что плоховато с одеждой. Трудно купить, но все-таки как-нибудь доживем. Война закончится, и на свете получше станет, и больше горя не будем иметь, и будет все хорошо.

Целуем крепко, ваш брат и шурин Израиль Аронович Чечик

*Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры
при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого*

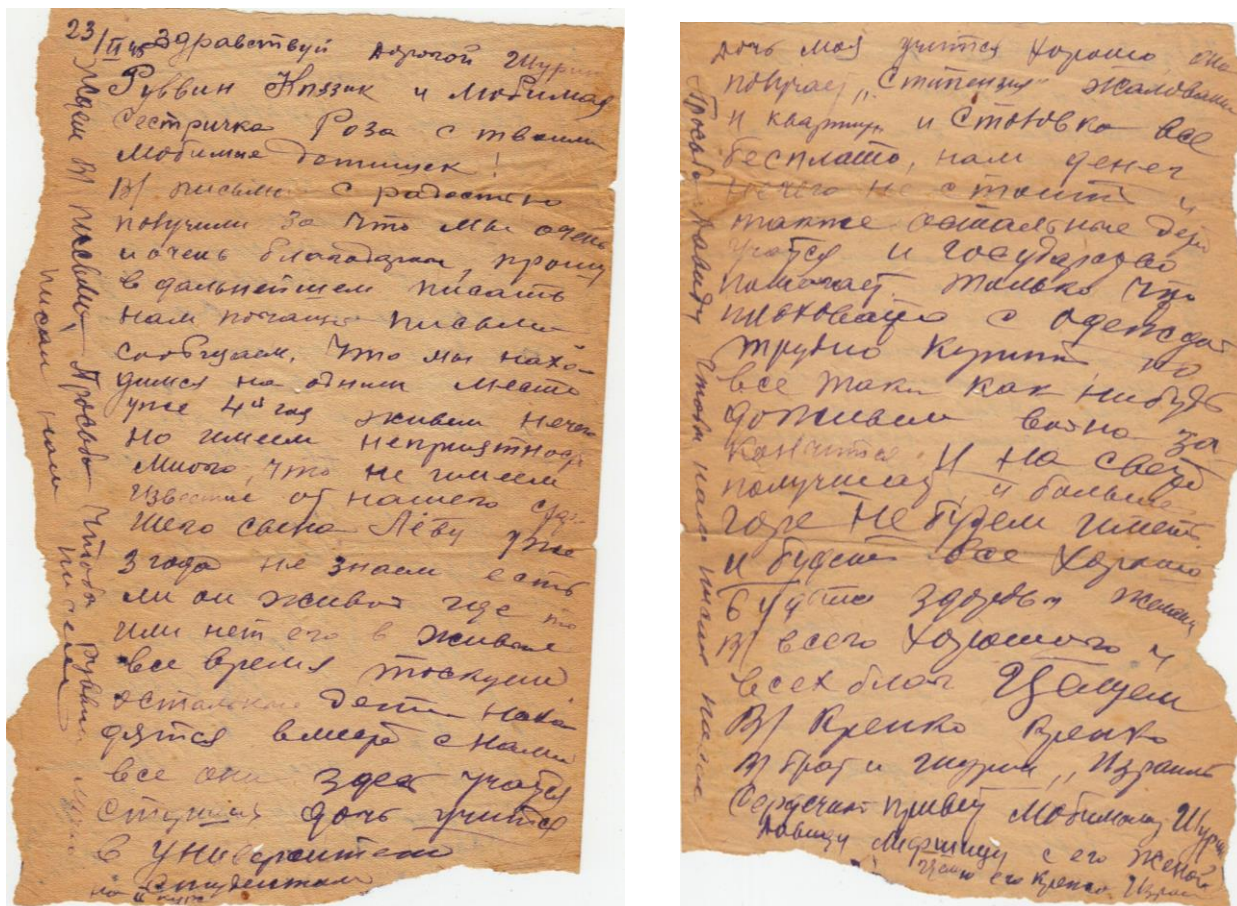

Рис. 5–6. Письмо И.А. Чечика в Нью-Йорк от 23 февраля 1945 г.

Из писем Чечиков следует, что государство смогло наладить обеспечение жизненно важных потребностей эвакуированных, решить вопросы образования. Однако насколько искренним был общий оптимистический настрой писем – «материально мы хорошо обеспечены, сыты, ни в чем не нуждаемся» – и что скрывалось между строк? В одном письме мы находим вынужденное признание – удалось выжить, не умереть от брюшного тифа, что в условиях эвакуации при снижении уровня медицинской помощи («здешние доктора не узнали, в чем дело») было настоящим чудом. Среди недостатков указывается только нехватка одежды, но не предметов потребления (в противном случае автора можно было обвинить в преувеличении трудностей военного времени и, следовательно, очернительстве).

Показательно в этом отношении письмо Цивы Файнштейн, писавшей из Казахстана в г. Сиэтл (штат Вашингтон, США). Оно было написано в 1943 г. и выгодно отличается от писем 1941 и 1942 гг., когда люди были растеряны, пытались уцелеть, понять причины военных поражений и найти свое место в изменившейся обстановке. Письмо 1943 г. полно самоуважения, пронизано верой в собственные силы, несмотря на горечь утраты. Оно позволяет проследить, сколько событий произошло с начала войны, насколько это было напряженное время. Письмо емкое и цельное, на одной страничке уместились события жизни нескольких семей за два года войны.

**Письмо Ц. Файнштейн брату Моше-Ноаху Шейнину
из Джезказгана (Казахстан) в Сиэтл**

27 ноября 1943 г.

Дорогой брат!

Пишу, не знаю, попадет ли это письмо к вам. Уже прошло много-много времени, как писали друг другу, и ты, наверное, мысленно прощался со всеми нами. Кто знает, как у тебя? Мы, как видишь, живем. Много пережито, и много изменилось за это время. Когда

коварный враг напал на нашу местность, мы все эвакуировались. Семья Аксельрода живет в Уфе, Карасики и Ида в Сибири. Наша семья в Казахстане. От Абраши мы вестей не имеем, авось, скоро освободится их город от фашистов, узнаем¹. Сын Аксельрода – инженер в армии, девочки – одна инженер, а другая – экономист, Слава – врач. Гриша работает все время на ответственных постах. Живем вместе только я, Гриша и маленький сынок 6 лет. Дочь наша, Тамара, 17 лет, кончила 10 классов и поступила на химико-технологический факультет. Нам неплохо, ни в чем не нуждаемся, правда, с одеждой плоховато.

Крепко, крепко вас всех целую, ваша сестра и тетя Цива Файнштейн

САНЖР. F. P275-14

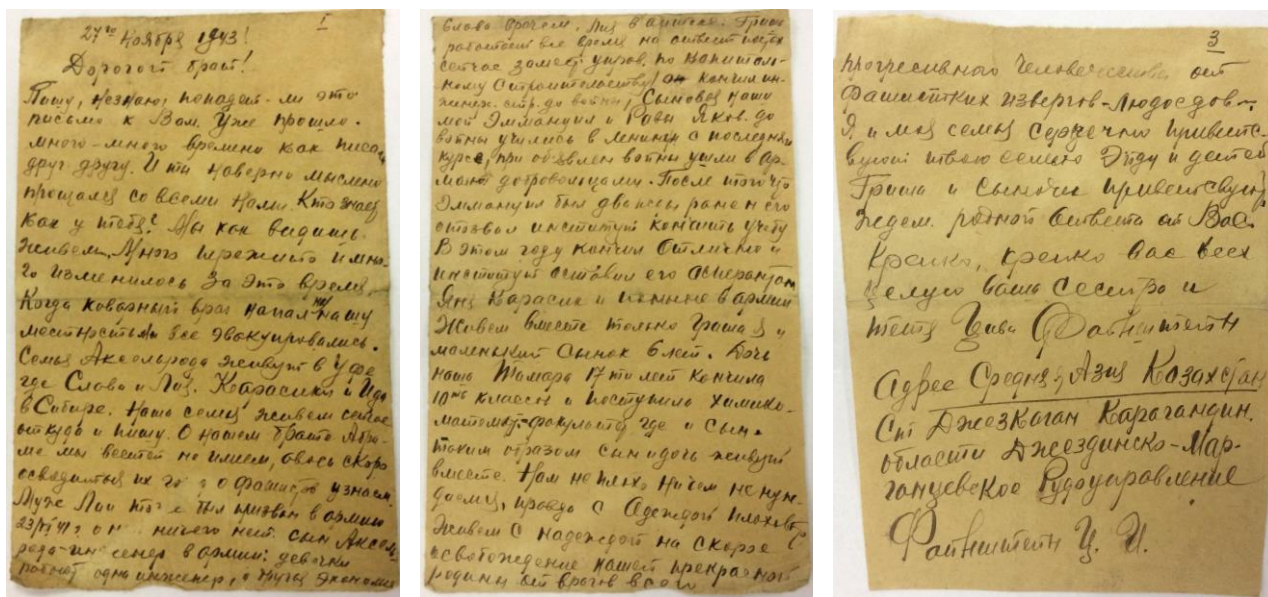

Рис. 7, 8, 9. Письмо Ц. Файнштейн в Сиэтл от 27 ноября 1943 г.

Тем не менее, несмотря на все испытания, жизнь продолжалась. Все было подчинено одной цели – победе над врагом. В письме мы находим точно подобранные слова, раскрывающие смысл противостояния, ежедневного упорного труда. В то же время за строками письма осталась тема, которая не поднималась, но была одинаково понятна как за границей, так и в Советском Союзе: победа над нацистской Германией – это будущее еврейского народа.

Соблюдение традиции. Религиозные евреи, оказавшись в эвакуации, делали все возможное для поддержания традиции. Однако в письмах за границу об этом умалчивалось. Любое упоминание о национальных праздниках (Рош-га-Шана, Йом-Кипур, Суккот, Пурим, Песах), соблюдении традиции (брит-мила, кашрут, выпечка мацы, хупа) или посещение синагоги (миньяна) встречается редко. Трудности эвакуации, оторванность от родных мест, непривычный климат, чувство национального одиночества, неизвестность будущего, не позволяли откровенность в переписке, побуждали замкнуть в своем внутреннем мире. О национальных чаяниях писали крайне осторожно, предпочитая чаще общие выражения и слова, ничего не говорящие непосвященному человеку. Однако время от времени в письмах это прорывалось. Приведем несколько примеров.

Запись в дневнике Мордуха Израилевича Левитана

14 декабря 1941 г.

Сегодня получили письмо от Яши, Минина брата, где он пишет, что Володя пропал без вести. Какой ужас... у нас дома был «плач Израиля». Я плакал несколько часов подряд в течение нескольких дней. Я не мог найти себе место, не мог притронуться к еде. Через некоторое время, когда получили письмо от Мини на имя Володи, то это повторилось еще

¹ Абрам (1902–1941) – младший брат Цивы, остался в Витебске и погиб с женой и двумя детьми.

с большей силой... Ужас еще состоит в том, что в Шабалине ничего не знают об этом, и мне приходится в каждом письме изворачиваться во лжи, чтобы на хоть немножко успокоить, но надолго ли это мне удастся?

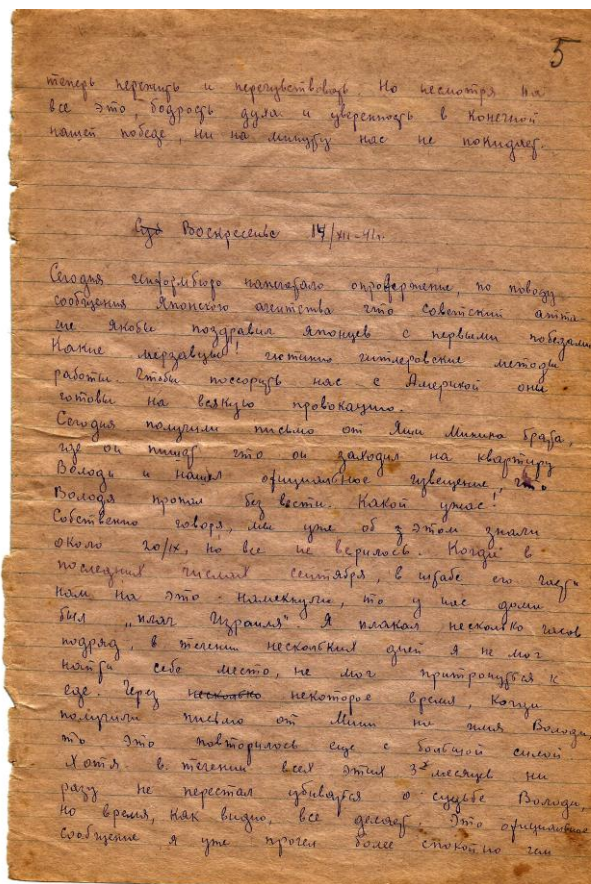
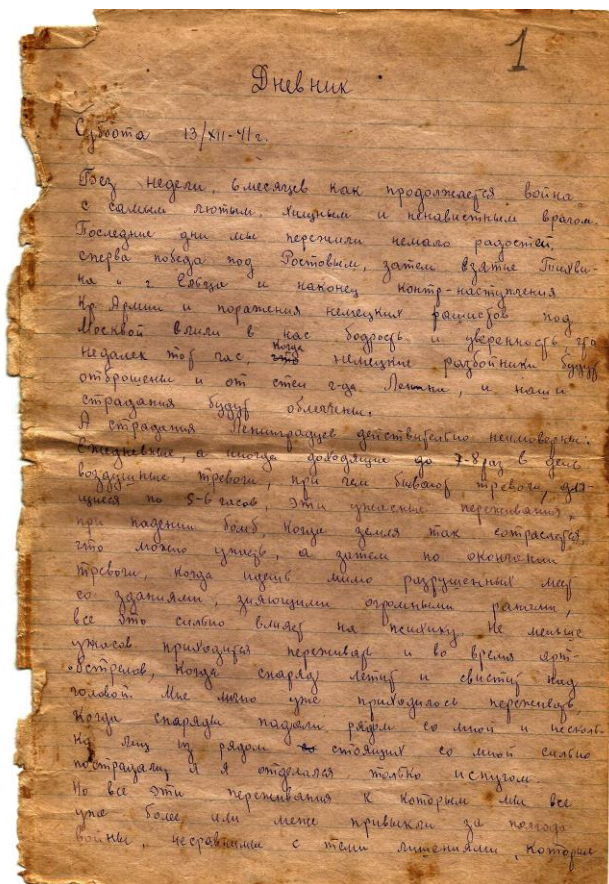

Рис. 10–11. Фрагмент дневника М.И. Левитана

Письмо Бибы (Бейлы) Белозовской брату Владимиру Львовичу Белозовскому

16 июня 1942 г.

Мои дорогие!

Самое страшное, чего я больше всего боялась, свершилось. За что нас так наказывают? Потерять отца и мать... Сердце разрывается на кусочки, как тяжело и не с кем горе поделить. «Кадеш» по папе я наняла, только не Гуревича, его нет в живых. Обещал старичок исполнять аккуратно, мне посоветовали к нему обратиться.

Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого

Письмо сержанта Моисея Гинзбурга родителям

18 апреля 1944 г.

Дорогие мои! Как дела у вас? Как провели наш национальный праздник¹, как работа, жизнь? Как дела с питанием? Напишите, как живут все. Почему никто не пишет? Ну, вот, пока все. Жду ответа.

Архив военных писем Научно-исследовательского центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Коллекция Л. Смиловицкого

¹ Песах.

Письмо Златы Залмановны Гуревич дочери Цере в Иерусалим

29 марта 1945 г.

Дорогие мои дети, ума не приложу, что с вами случилось. Так долго нет от вас писем. Я от вас не имела письма с августа 1944 г. У нас Пасха, и я от вас ни звука не имела.

Рис. 12. Письмо З.З. Гуревич в Иерусалим от 29 марта 1945 г.

Письмо Златы Залмановны Гуревич дочери Цере в Иерусалим

1945 г.

Дорогие мои дети! Давно, давно собираюсь вам писать, хотя мысленно я с вами непрерывно. Все думаешь, как вы живете-можете. Надеюсь на Пасху иметь от вас более обстоятельное письмо.

САНП. F. P288-5.

**Письмо Цивы Файнштейн из г. Кривой Рог Моше-Ноаху Шейнину
в г. Сиэтл штата Вашингтон США**

23 мая 1945 г.

Здравствуйте, мои дорогие Моисей, Эйда и ваши дети.

Прошло много лет, как я вам писала, и за эти годы жизни мы потеряли наших близких и родных, истерзанных немецкими фашистами. От Абраши и его семьи мы ничего не имеем, его постигла та же участь, как и много других советских граждан, погибших от фашистов. Мама умерла 26 сентября 1942 г., день суббота, первый день «Сукес», похоронили ее в воскресенье, 2-й день «Сукес».

САНП. F. P275-14

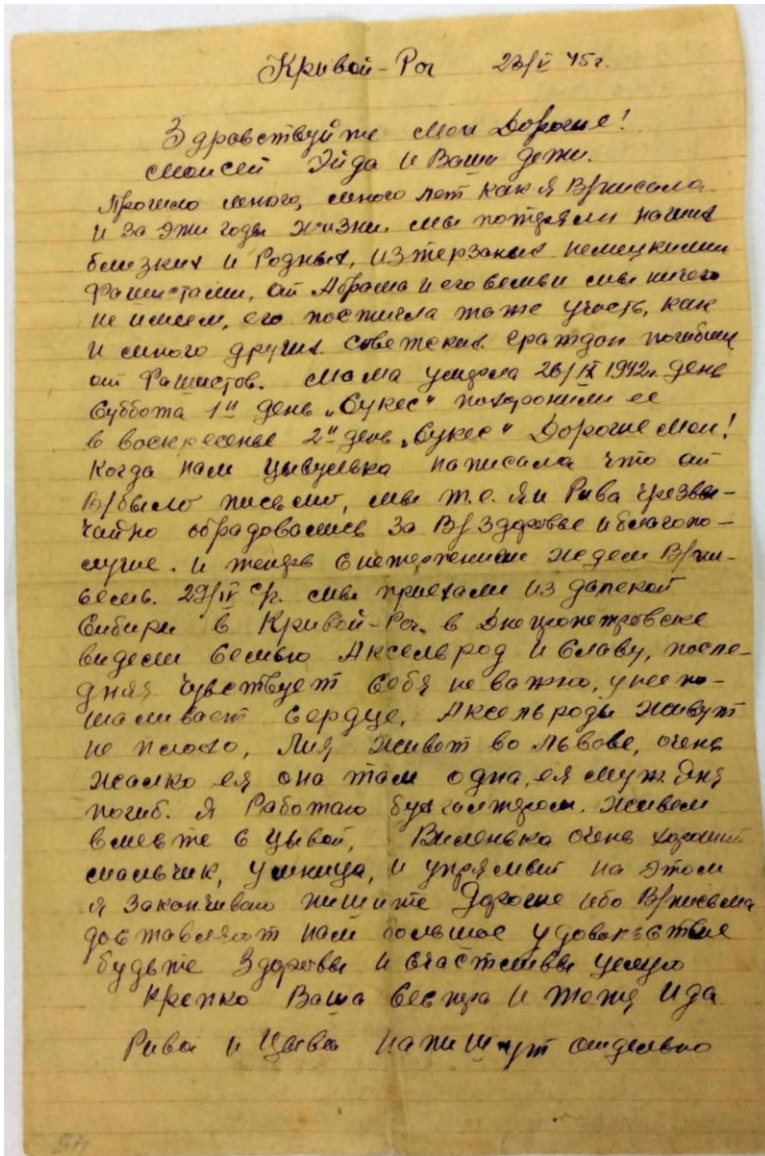

Рис. 13. Письмо Цивы Файнштейн из г. Кривой Рог Моше-Ноаху Шейнину в г. Сиэтл штата Вашингтон США от 23 мая 1945 г.

Сроки погребения для человека, знакомого с еврейской традицией, тоже говорили о многом. Формально положение верующих евреев в годы войны мало отличалось от представителей других религиозных конфессий. Однако на деле все обстояло иначе. Еврейские верующие, как правило, представители старшего поколения, составляли абсолютное меньшинство даже среди эвакуированных евреев, не говоря уже о подавляющем большинстве местного населения. Младшее и среднее поколение советских евреев родилось и сформировалось уже после 1917 г., испытал на себе мощное воздействие атеистической пропаганды. Соблюдать традицию, придерживаться кашрута, не говоря уже о посещении синагог, могли очень немногие. Верующие не осмеливались жаловаться своим близким за границу, не просили прислать предметы религиозного культа, не зная, как это будет воспринято властями. Они уповали на то, что с окончанием войны за все перенесенные страдания власти сделают им снисхождение, ситуация коренным образом изменится и нужно только терпеливо ждать.

Сохранность писем. Как уцелели письма, отправленные из СССР в годы войны? Архив Центра диаспоры располагает несколькими десятками таких писем, которые позволяют попытаться ответить на этот вопрос. Письма были отправлены из глубокого советского тыла (Урал, Средняя Азия, Киргизия, Казахстан, Сибирь, Дальний Восток), где оказались эвакуированные из прифронтовой полосы беженцы, а также из Москвы

и Ленинграда. Их сохранили родственники советских евреев, проживавшие за границей. Большая часть переписки, направленной в Советский Союз из-за рубежа, не уцелела по разным причинам, включая военные действия, трудности жизни в эвакуации, дорогу обратно (реэвакуацию) и те негативные процессы в жизни советского общества, которые имели место в последнее десятилетие жизни И.В. Сталина. Все это заставило людей избавиться от переписки с заграницей, как от опасного компромата.

Как известно, начиная с 1946 г. любые свидетельства связи с заграницей считались в СССР предосудительными. Частная переписка, не говоря уже о посылках от родственников из Палестины, Америки, Канады, Мексики, Аргентины или Южной Африки, расценивались как проявление недоверия к власти, очернительство советской действительности, преувеличение трудностей восстановительного периода, и даже как буржуазный национализм. Авиатор Лейзерович, переписывавшийся с Палестиной в 1947–1948 гг., был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Израиля и участие в антисоветском сионистском подполье, выйдя на свободу только в 1957 г. (Leizerovich, 1979: 283–298). Тем не менее, полностью переписка не исчезла. Определенная категория граждан, пользуясь тем, что официальный запрет со стороны государства отсутствовал, продолжала писать письма за границу (Семьи Шейниных, Абрамовичей, Чечиков, Шнееров, Гуревичей, Хацкевич, Гольдберг, Князик и некоторые другие). Как правило, это были люди преклонного возраста, пенсионеры, одинокие, дети которые не были государственными служащими, не состояли в партии, и поэтому предъявить к ним формальные претензии или подвергнуть дискриминации было сложно.

Вместе с тем люди были напуганы. Сказывался и бытовой антисемитизм, который власти фактически покрывали. Последствия Холокоста привели к потере миллионов жизней, нанесли советскому еврейству тяжелую психологическую травму. Кампания борьбы с космополитами, закрытие Еврейского антифашистского комитета и арест его членов, «дело врачей» стали апогеем государственного антисемитизма. Сохранились свидетельства современников, которые своими руками уничтожили переписку с заграницей, несмотря на то, что в годы войны она осуществлялась легально. Профессор Изидор Ляст¹ рассказал, что когда в середине марта 1953 г. арестовали его отца Цалеля Ляста в поселке Ветлужском Горьковской (ныне – Нижегородской области), он поспешил домой, чтобы уничтожить письма, полученные из-за границы. Брат Цалеля Бенъямин с 1925 г. жил в Палестине. Это была семейная переписка за 1943–1948 гг. и квитанции на получение посылок от американской благотворительной организации «Джойнт», которые помогли Лястам выжить в период эвакуации. Для уничтожения опасных бумаг и переписки Изидор затопил на кухне большую русскую печь. Среди документов семейного архива было последнее стихотворение родного брата Мони, умершего в эвакуации в 1945 г. со словами «и день, и ночь грызет меня тоска по милой Палестине... где по-еврейски можно петь, где вслед камней нам не бросают». Изидор вырвал листки с этим стихотворением и бросил в огонь. На чердаке были сложены книги на идиш, принадлежавшие Цалелю, авторов которых арестовали еще в 1948 г. (тогда еще не было известно, что они уже были расстреляны), на всякий случай Изидор уничтожил и эти книги (Письмо Изидора Ляста, 2012). Так безвозвратно погибли уникальные свидетельства семейной истории. Случай, описанный профессором Лястом, типичен. К сожалению, часто вместо письменных свидетельств историкам достаются лишь устные рассказы, значение которых тоже велико, поскольку они многое объясняют.

Выводы. Письма евреев из Советского Союза за границу в 1941–1945 гг. представляют собой неординарное явление в истории военной переписки. Они рассказывают, как люди реагировали на крупнейшие события тех лет и позволяют понять противоречие эпохи, почувствовать трепетный нерв истории, которая без спроса вторглась в личную жизнь и творила свой произвол. Сочувствие и внимание, проявленные из-за границы, помогли советским евреям преодолевать одиночество, укрепляли уверенность в победе над врагом.

Сведения, полученные из писем, могут показаться отрывочными и фрагментарными. Но это необходимый камешек в мозаике событий, произошедших в годы войны, который

¹ В 1953 г. учился на четвертом курсе физико-математического факультета Горьковского государственного университета.

необходим для понимания их общей картины. Не будем забывать, что, несмотря на военные действия, при наличии паспорта и визы, из любого уголка мира, включая Германию, можно было легально выехать в нейтральную страну. Исключение составлял только СССР, гражданам которого, несмотря на права, декларированные в Конституции 1936 г., фактически был закрыт выезд не только в нейтральное государство, но даже в страну антигитлеровской коалиции. В этой связи значение переписки по почте трудно переоценить. В то же время за широким спектром вопросов, связанных с борьбой с нацизмом, стояла тема общечеловеческих ценностей. Это был диалог в письмах людей из тоталитарного государства, закрытого еще до начала Второй мировой войны, со всем остальным миром. Не исключено, что при всех ограничениях военного времени, переписка с заграницей оказались той щелочкой, через которую пробивались тонкие ручейки сведений о частной жизни, эмоциях и чувствах людей в сталинском Советском Союзе. Несмотря на бытовой характер содержания переписки, из писем следует, что люди сознавали собственную значимость, отдавали отчет, что трудности и лишения в тылу и на фронте, понесенные жертвы, не напрасны. У большинства писавших за границу не было ощущения «винтиков», «пешек», «разменной монеты». Наоборот, было стремление внести свой вклад в общее дело разгрома нацизма, не сидеть, сложа руки, в ожидании, что кто-то другой это сделает.

В военные годы контроль над жизнью общества в СССР многократно усилился, Личное достоинство граждан всецело было подчинено интересам государства. Но участники переписки были убеждены, что после Победы письменная связь сохранится и станет естественным продолжением мирной жизни. Никто не догадывался, что очень скоро послевоенное строительство будет омрачено холодной войной и последующей за ней самоизоляцией СССР от остального мира на полвека. Преследование советских граждан, поддерживавших частную переписку с заграницей, показывает лицемерие государства, принявшего облик сталинского социализма.

Отношение к своему будущему после победы над Германией отличалось у евреев, проживавших на территориях, входивших в состав СССР до 1939 г., и у евреев Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии. Если первые были уже достаточно ассимилированы и не видели для себя другой перспективы, как реэвакуация и возврат к мирной жизни, то вторые не исключали возможность выехать из Советского Союза и, когда она представилась, воспользовались этим.

Литература

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Справочник о местах... – Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 гг. / Сост. В.И. Адамушко, О.В. Бирюкова. В.П. Крюк, Г.А.Кудрякова. Минск: НАРБ, 2001. 158 с.

Письмо Изидора Ляста – Письмо Изидора Ляста Л. Смиловицкому из Тель-Авива от 12 июня 2012 г. Архив автора.

САНJP – Central Archives for the History of the Jewish People Jerusalem

CZA – Central Zionist Archives

Leizerovich, 1979 – *Leizerovich A.* Hebrew Letters from the Soviet Union 1947–1948 // Behinot: Studies on Jews in the USSR and Eastern Europe, Jerusalem – Tel Aviv: Hebrew University of Jerusalem, Center for Research of Eastern European Jewry, 1979. P. 283–298.

References

GARF – State Archives of the Russian Federation.

Spravochnik o mestakh prinuditel'nogo sodержaniya grazhdanskogo naseleniya na okkupirovannoy territorii Belarusi 1941–1944 gg. – Spravochnik o mestakh prinuditel'nogo sodержaniya grazhdanskogo naseleniya na okkupirovannoy territorii Belarusi 1941–1944 gg. [Directory about places of forced detention of civilians in the occupied territory of Belarus 1941–1944] / Comp. V.I. Adamushko, O.V. Biryukova, V.P. Kryuk, G.A. Kudryakova. Minsk: NARB, 2001. 158 p. [in Russian].

Pis'mo Izidora Lyasta – Letter from Izidor Lyst to L. Smilovitsky from Tel Aviv, June 12, 2012. Author's archive [in Russian].

САНЖР – Central Archives for the History of the Jewish People Jerusalem.

СЗА – Central Zionist Archives.

Leizerovich, 1979 – *Leizerovich A. Hebrew Letters from the Soviet Union 1947–1948 // Behinot: Studies on Jews in the USSR and Eastern Europe, Jerusalem – Tel Aviv: Hebrew University of Jerusalem, Center for Research of Eastern European Jewry, 1979. P. 283–298 [in Hebrew].*

УДК 93/94

Евреи из СССР пишут за границу (письма и дневники Второй мировой войны как исторический источник)

Часть 2

Леонид Львович Смиловицкий ^{а, *}

^а Центр диаспоры при Тель-Авивском университете им. Гольдштейна-Горена, Израиль

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме переписки евреев из Советского Союза в годы Великой Отечественной войны с заграницей. Рассказывается о возобновлении почтовой переписки с внешним миром, которая фактически прекратилась к лету 1941 г. в связи с драматическими внутривойсковыми переменами в СССР. Дается анализ писем евреев с США, Палестиной, Южной Африкой, Аргентиной, Мексикой, в которых отражалась солидарность с Красной армией, участия евреев в борьбе с нацизмом на фронтах войны, сионистах и идишистах. Особое внимание уделено отражению в переписке темы Холокоста, поиске родных и помощи Красной армии, направленной из Палестины, жизни в эвакуации, соблюдении еврейской традиции. Делается вывод о том, что письма евреев из Советского Союза за границу в 1941–1945 гг. представляют собой неординарное явление в истории частной военной переписки. Сочувствие и внимание, проявленные из-за границы десятков тысяч людей, помогли преодолеть международную изоляцию СССР, обеспечить моральную и материальную помощь и конечную победу советского оружия над общим врагом.

Ключевые слова: письма, источники личного происхождения, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Красная армия, евреи, Холокост, идиш, эвакуация, фронт, тыл, цензура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: smilov@zahav.net.il (Л.Л. Смиловицкий)